

Культура новых войн

Мэри Калдор

Профессор, руководитель, Центр исследований конфликтов и гражданского общества, Лондонская школа экономики и политических наук (LSE). Адрес: Houghton str., WC2A 2AE London, United Kingdom. E-mail: m.h.kaldor@lse.ac.uk.

Ключевые слова: «новые войны»; малые войны; теория справедливой войны; геополитика; биополитика; нерегулярные конфликты; авторитаризм; неолиберализм; культура безопасности; революционные движения.

Статья предлагает анализ доминирующих тенденций в современных вооруженных конфликтах, известных как феномен «новых войн». В противовес эмпирической оптике автор подчеркивает концептуальное содержание термина, задающее теоретическую рамку осмысления военных действий после завершения холодной войны. Она прослеживает генеалогию нерегулярных войн, представление о которых существовало со времен поздней Античности, однако не было определяющим для теории военного дела. Традиционные военные конфликты чаще всего разворачивались между армиями государств, которые официально объявляли друг другу войну. Они были ограничены во времени и пространстве, имели четкие цели, после достижения которых появлялась возможность заключения мира. Термин «малая война» входит в обиход мыслителей лишь на рубеже XVII и XIX веков для описания процессов, происходящих на периферии классических конфликтов. Однако именно он представляется наиболее релевантным для понимания нерегулярного характера боевых действий в XXI веке.

«Новые войны» добавляют к традиционной сфере геополитики биополитическое измерение. На примере конфликтов и вооруженных революционных движений второй половины XX века автор демонстрирует основные трансформации, отличающие нерегулярные военные действия: смещение стратегических акцентов, повстанческий и партизанский характер конфликтов, переопределение категории «побочного ущерба», распространение террористических методов ведения войны в отсутствие паритета сил, частное финансирование парамилитарных формирований. Характеристика сущностных черт понятия «новые войны» включает в себя анализ факторов, приведших к реформатированию войны, основным из которых стало сочетание авторитаризма, экономической открытости и неолиберальной экономической политики. В заключение выдвигается предположение о том, что на фоне происходящей глобальной интеграции изменения в ведении боевых действий порождают новую культуру безопасности, которую и следует называть «новыми войнами».

Я ИСПОЛЬЗУЮ термин «новые войны», чтобы обозначить доминирующие тенденции в конфликтах, которые мы наблюдаем в эпоху после окончания холодной войны. Термин «новые» необходим, чтобы показать, что фокус глобальной безопасности сместился (с геополитической борьбы двух крупных соперников на современные формы политического насилия), и объяснить, почему классическая оптика холодной войны искажает наше восприятие этих конфликтов. В действительности традиционное представление о конфликте, лежащее в основе политики, лишь усугубляет положение затронутого им гражданского населения и усложняет выработку политических целей.

Критики понятия «новая война» обращаются к вопросу о том, насколько новы различные аспекты этих войн — к примеру, такие, как роль негосударственных организаций, обладающие слабым влиянием страны, политика, основанная на принадлежности к той или иной группе, насильственное переселение или военные преступления¹. Конечно, было бы странно, если бы все аспекты новых войн оказались эмпирически новыми; так же странно было бы, если бы у них вовсе не нашлось новых черт. В частности, глобализация, новые информационные и коммуникационные технологии создают контекст, прежде в подобном масштабе просто не существовавший. Однако термин «новые» по сути не столько эмпирический, сколько концептуальный: он отсылает к логике войны, отличающейся от привычного нам представления о войне, в основе которого лежит «старый» набор допущений. Я намерена описать здесь, как объединение актуальных представлений о различных аспектах того, что принято называть войной с участием нерегулярных вооруженных формирований, рождает эту новую логику.

Собственно, даже сам термин «конфликт» можно назвать некорректным. Для нас война — это выражение политических про-

Перевод с английского *Марины Бендет* по изданию: © *Kaldor M. Global Security Cultures*. Cambridge, UK: Polity Press, 2018. Публикуется с любезного разрешения автора и издательства.

1. Анализ критики см. в: *Idem*. In *Defence of New Wars // Stability: International Journal of Security and Development*. 2013. Vol. 2. № 1. P. 1–16.

творечий между двумя непримиримыми сторонами: война разражается, когда не срабатывают обычные мирные механизмы урегулирования конфликта, то есть политические меры или юридические системы. Однако новые войны проще представить в виде утвердившихся социальных условий или системы: это своего рода милитаризованный беспредел, уже сменивший или сменяющий как управляемый капитализм, так и реально существующий социализм времен холодной войны. Это система, в которой основным методом распределения ресурсов и расстановки политических сил является насилие, а не рынки и политика (в капиталистических системах) и не административные указания (в реально существующих социалистических системах). Она раздроблена и децентрализована, но в то же время встроена в международные схемы движения денежных средств, товаров, людей, в системы коммуникации.

Войны, имеющие форму классического конфликта, сегодня чаще всего оказываются достаточно краткими, но бескомпромиссными, поскольку каждая сторона стремится к победе. Новые войны обычно растянуты и во времени, и в пространстве; их сложно завершить и сложно удержать в строгих географических рамках. В этом смысле их можно даже назвать культурой. Различные участники новых войн словно попали в замкнутый цикл с повторяющимися действиями; воздействующие на них стимулы, их поведенческие модели рождаются из бесконечного хаоса и волнений, которые они, в свою очередь, воспроизводят, словно запрограммированные.

Я начну с обсуждения генеалогии новых войн — их возникновения на основе революционных столкновений эпохи холодной войны. Затем я выделю их главные отличия от гражданских войн прежних времен, расскажу о различных факторах, ставших основой для иной логики. В заключение я задам вопросы о том, действительно ли на наших глазах рождается некая, еще более новая форма войны, о том, какие возможности и методы можно найти, исследуя функционирование новых войн.

Генеалогия новых войн

Новые войны часто объединяют с так называемыми нерегулярными войнами. Нерегулярная война, как подсказывает ее название, противопоставляется войне, официально объявленной государством, и предполагает участие бандитов, боевых формирований, преступных группировок и прочих подобных групп.

Представление о нерегулярной войне существовало уже в крупных империях Древнего мира — в Древнем Китае, Индии, Персии, Греции, Риме. Военный трактат «Стратегикон», написанный византийским императором Маврикием в VI веке н. э., посвящен тактике войны с «недисциплинированными, неорганизованными народами»². В 11-й книге «Стратегикона» приводится этнографический анализ различных врагов Византии (франков, лангобардов, аваров, турок, славян). Однако термин «нерегулярные военные формирования» окончательно утвердился в Европе лишь с XVIII века, после формирования государств и создания регулярных армий, когда солдаты начали носить форму. Нерегулярная война фактически стала противоположностью войнам европейских государств, носившим едва ли не ритуальный характер.

Для описания подобных военных конфликтов также широко использовался термин «малая война». После восстания в Испании во время наполеоновских войн в обиход вошло слово «герилья» («малая война» по-испански). В XVIII и XIX веках терминами *petite guerre* или *kleine Krieg* описывали военные действия с участием прусских гусар или русских казаков. В 1896 году англо-ирландский офицер британской армии Чарльз Калуэлл опубликовал ставшую классической книгу «Малые войны». По его определению, малые войны — это «любые военные кампании помимо тех, в которых с каждой воюющей стороны выступают только регулярные войска»³. Согласно Калуэллу, в таких кампаниях могут участвовать самые разные вооруженные группы: фанатики, партизаны, армии диких африканских племен или организованные войска (к примеру, бурские).

Новые войны — особая форма нерегулярных войн, характерная для военных конфликтов XXI века. В их основу легли нерегулярные войны конца XX века — как собственно герильи и революционные войны, так и ответные действия, которые принято называть противоповстанческими или карательными операциями. Подобно традиционным войнам, революционные войны тоже представляли собой конфликты, но только между революционерами и режимом, а не между двумя государствами. Цель рево-

2. Цит. по: *Boot M. Invisible Armies: An Epic History of Guerrilla Warfare from Ancient Times to the Present* N.Y.: W.W. Norton, 2013. P. 54.

3. *Whittingham D. Warrior-Scholarship in the Age of Colonial Warfare: Charles E. Callwell and Small Wars // The Theory and Practice of Irregular Warfare: Warrior-Scholarship in Counter-Insurgency / A. Mumford, B. C. Reis (eds). L.: Routledge, 2014. P. 18.*

люционной войны заключалась в свержении колониального или авторитарного/реакционного режима. В плане стратегии они отличались от классических военных конфликтов, поскольку особое значение в них придавалось в первую очередь политическим, а не военным методам. Революционеры не могли рассчитывать на то, что свергнут режим лишь военными силами. Они участвовали в асимметричной войне, в которой на стороне режима выступали гораздо более многочисленные вооруженные силы. Революционеры не были способны захватить территорию военными методами. Вместо этого они добивались контроля над территорией, получив контроль над ее населением. Именно здесь, словами Клаузевица, и лежал «центр тяжести» революционной войны. Такие войны привнесли в сферу безопасности биополитику, противопоставив ее геополитике.

В первые три десятилетия после окончания Второй мировой войны в Китае, Индокитае, Латинской Америке и Африке шли войны, развивавшиеся по схожему сценарию, который разрабатывали легендарные лидеры Мао Цзэдун, Че Гевара, Во Нгуен Зяп. Все они были интеллектуалами, все были знакомы с классическими трудами по военной стратегии — произведениями Клаузевица и Сунь-Цзы, «Стратегиконом». Все готовились к многоэтапной войне. На начальном этапе революционные группы должны были собрать силы в надежном убежище или на освобожденной территории — в горах, джунглях, приграничных районах. В странах с более развитой городской инфраструктурой — в Алжире или Южной Африке — заменой горам или джунглям становились небольшие города, где повстанцы могли найти укрытие. Укрепившись в безопасной зоне, повстанцы применяли тактику коротких ударов по стратегическим целям, тем самым изнуряя и ослабляя противника. Ключевой идеей подобной стратегии оставался уход от прямого столкновения, хотя некоторые теоретики (Мао и Зяп) утверждали, что на завершающих этапах можно прибегнуть к традиционной наступательной военной операции.

Главным элементом такой стратегии оставались освобожденные зоны. В этих зонах — «очагах» борьбы, если использовать терминологию Че Гевары, — революционеры заручались идеологической поддержкой, превращая их в модель общества, которое собирались построить: они создавали административную инфраструктуру, строили школы и больницы, обеспечивали население другими благами. Безусловно, такая деятельность предполагала применение силы к тем, кто их не поддерживал: местное население

ние часто выступало против революционных идей об идеальном обществе и противилось таким сельскохозяйственным практикам, как, например, коллективизация. Цель революционеров заключалась в том, чтобы влиться в ряды местного населения, обеспечивавшего их всем необходимым для выживания: по словам Мао, почувствовать себя «в народе как рыба в воде».

Уильям Рино описывает, как повстанцы, выступавшие против белого правительства в Родезии, создали приграничные базы в Мозамбике после провозглашения его независимости в 1975 году. После этого они сосредоточились на борьбе за власть в самой Родезии. Один из повстанцев пояснял:

Сначала есть командир. Его задача — руководить. Потом появляется политический комиссар. Его задача — представить нас массам, рассказать им, кто мы такие, что делаем и почему. Потом появляется ответственный за безопасность. Он узнает, кто на нашей стороне, кто нас поддерживает, а кто может предать... Мы приходим в район, изучаем проблемы... а затем рассказываем людям об их проблемах, говорим, как мы можем их решить, поборов врага⁴.

В таких войнах важнейшую роль играла поддержка извне. Солидарные соседние государства предоставляли безопасные территории для создания баз, давали доступ к дорогам и оружию, обеспечивали другой материальной поддержкой. Для Восточного блока (СССР, Китая, Кубы) подобные войны были передовой холодной войны, так что эти страны блока оказывали помощь повстанцам, поставляли оружие, обучали солдат.

Стратегии западных государств и их союзников, направленные на разгром революционеров, принято называть противоповстанческими. Противоповстанческие кампании проводились Португалией в Анголе, Гвинее и Мозамбике, Францией в Алжире и Индокитае, Британией в Малайе, Кении и Северной Ирландии, США в Латинской Америке, на Филиппинах, во Вьетнаме (к более поздним военным операциям — в Ираке и Афганистане — я обращаюсь в других своих работах). В литературе о противоповстанческих операциях силовые методы борьбы с повстанцами, которые сегодня принято называть «ориентированными на врага», часто отделяют от скорее «ориентированных

4. *Reno W. Warfare in Independent Africa: New Approaches to African History.* Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 91.

на население» политических методов. Силовые методы направлены на убийство или захват как можно большего количества повстанцев с применением тактики «убить или взять в плен», на разрушение или уничтожение освобожденных зон (тактика «отравления моря»). Они включают сознательное разрушение освобожденных зон с применением бомбардировок, с использованием гербицидов или напалма, как во Вьетнаме; осаду и голод, вызванный отсутствием доступа к пище и предметам первой необходимости; насильственное переселение и создание защищенных «безопасных зон»; попытки разжечь этнические и общественные конфликты и тем самым способствовать беспорядкам; использование подставных повстанцев или тех, кого генерал Китсон называл «псевдобандами», — как для разведки, так и для провоцирования беспорядков; тюремное заключение, пытки и жестокость ради получения информации. Политические методы, напротив, предполагают, что военные пользуются доверием населения, поскольку защищают его от повстанцев, «завоевывают сердца и умы» (по выражению генерала Темплера времен войны в Малайе), знакомятся с местными реалиями, внедрившись в местные общины, устанавливают легитимные формы правления, оказывают услуги, обеспечивают население средствами к существованию.

На практике все типы противоповстанческих операций были ориентированы на врага, но включали элементы обоих подходов. Классическим примером силового подхода считаются операции в Алжире и Вьетнаме. Однако в них использовались и другие приемы. В Алжире «интеллектуальной движущей силой» силового подхода принято называть полковника Роже Тринкье. Цель Тринкье заключалась в регулярном и безжалостном уничтожении отрядов Фронта национального освобождения. Он создал строгую систему контроля населения, внедрив «Систему защиты городов» (*Dispositifs de Protection Urbaine*), применял агрессивные меры для получения разведанных (в том числе широко использовал пытки) и поддерживал создание партизанских отрядов, то есть отрядов повстанцев для борьбы с повстанцами. Считается, что он разработал «картезианское обоснование применения пыток в революционной войне»⁵. Благодаря столь жестокой тактике Франция действительно выиграла войну в Алжире в военном

5. *Reis B. C. David Galula and Roger Trinquier: Two Warrior Scholars; one French Late Colonial Counter-Insurgency? // The Theory and Practice of Irregular Warfare.* P. 35–69.

смысле, но в плане политики она ее проиграла; в 1960 году, придя к власти, генерал де Голль объявил о независимости Алжира. Для сравнения: еще одним теоретиком противоповстанческой войны в Алжире, интеллектуальным кумиром современных теоретиков противоповстанческих операций, таких как Дэвид Килкулен или Джон Нагл, был полковник Давид Галула. Он настаивал на том, что военные действия должны подчиняться политическим целям, прежде всего давать защиту и поддержку на местном уровне, и скептически относился к убийству повстанцев, поскольку «герилья, подобно головам мифической гидры, имеют свойство снова отрастать»⁶. Помимо этого, Галула утверждал, что поисками, арестом и допросами подозреваемых мятежников или лиц, обладающих какой-либо информацией, должна заниматься гражданская, а не военная полиция.

Подобно французам в Алжире, американцы во Вьетнаме тоже применяли по большей части силовой подход, в основе которого лежала идея «убить или взять в плен»; однако они проиграли войну в политическом плане, поскольку лишились поддержки дома, на территории США. Впрочем, применялись и альтернативные подходы: их опробовали в основном американские морские пехотинцы, для которых в 1940 году было даже издано «Пособие по малым войнам», впоследствии много раз переиздававшееся и включившее материалы операций США в Центральной Америке, Карибском бассейне и на Филиппинах.

Британский теоретик противоповстанческих операций генерал Фрэнк Китсон призывал применять элементы и силового, и более политически ориентированного подхода. Он утверждал, что борцы с повстанцами должны обосноваться в районе, где идет военная операция, и собирать данные на местном уровне, поскольку лучший способ получить нужную информацию — завоевать доверие местного населения. В то же время именно он создавал в Кении подставные банды для борьбы с повстанцами на местном уровне. Разработанные им методы оказались весьма сомнительными, когда их стали применять в Северной Ирландии против граждан Британии. Подобно Тринкье, Китсон «не интересовался этической стороной борьбы с повстанцами — он просто делал свою работу». К примеру, он использовал «военный спецназ... и недавних перебежчиков из Ирландской республиканской армии, которых еще называли „фредами“, для поисков, установления личности, очных ставок, дискреди-

6. Ibidem.

тации и (по словам националистов) даже для убийства лидеров повстанцев»⁷.

Новые войны позаимствовали у противоповстанческих операций силовые методы. Для переходного периода 1980-х годов было характерно распространение повстанческих групп, крайне схожих с подставными бандами Китсона или партизанскими отрядами Тринкье: часто их поддерживали США или — в Африке — Южная Африка либо Родезия. В «доктрине Никсона» утверждалось, что «в Азии должны воевать азиаты»; вот почему в так называемых войнах с низкой интенсивностью военных действий принято было обращаться к силам местных посредников и региональным властям. Так, военизированные организации в Колумбии, контра в Никарагуа, партии РЕНАМО и УНИТА в Мозамбике и Анголе, получавшие поддержку соответственно от Родезии и Южной Африки, а также, конечно, моджахеды в Афганистане представляли собой нерегулярные вооруженные силы и применяли самые разные силовые методы, заимствованные из противоповстанческих операций: это и насильственное перемещение, и широкое распространение пыток, и жестокое обращение, и раздувание межэтнических конфликтов, и обращение к заклинателям духов (в Африке).

В литературе, посвященной нерегулярным войнам, часто разделяют партизан и террористов. По мнению Макса Бута, партизаны — это вооруженные группы, применяющие «тактику коротких ударов... направленную прежде всего против правительства и государственных силовых служб, в силу политических и религиозных причин»⁸. В противоположность им, терроризм — это «насилие, применяемое нерегулярными вооруженными силами и направленное в первую очередь против гражданского населения (прежде всего, мирных жителей, а также правительственных чиновников, полицейских и внештатных военнослужащих) с целью запугивания и принуждения к смене официальной политики либо состава правительства»⁹.

Мамдани проводит аналогичное разграничение и описывает, как моджахеды под опекой США разрабатывали тактику террористической деятельности.

7. *Bennett H., Cormac R. Low-Intensity Operations in Theory and Practice: General Sir Frank Kitson as a Warrior-Scholar // The Theory and Practice of Irregular Warfare.* P. 114.

8. *Boot M.* Op. cit. Loc. 244.

9. *Ibid.* Loc. 225.

Отличительный признак террора — то, что он направлен против гражданской жизни: он подразумевает уничтожение инфраструктуры — мостов или электростанций, разрушение школ и больниц, минирование дорог и полей. Терроризм отличает от герильи то, что основной его целью являются гражданские лица. Если боевики левых взглядов утверждали, что чувствуют себя как рыба в воде, то террористы правых взглядов стремятся отвести воду — ценой любого количества человеческих жизней, — чтобы рыбе было негде жить. То, что сегодня принято называть сопутствующим ущербом, — вовсе не печальный побочный продукт войны, но собственно цель терроризма¹⁰.

Участников новых войн XXI века правильнее называть террористами, а не партизанами. Уильям Рино называет их повстанцами, которых возглавляют полевые командиры, — в противоположность повстанцам, борющимся против колониализма, за власть большинства или за реформы. Повстанцы с полевыми командирами не стремятся освободить территории и завоевывать симпатии местного населения: они более заинтересованы в насилии как таковом, а не в свержении режима. «Почти все конфликты в Африке сегодня превратились из борьбы сторон за контроль над мирным населением и управление им в ситуации, в которых управление мирным населением чаще всего гораздо менее важно, чем собственно стратегия ведения войны»¹¹. Иными словами, солдаты новых войн, подобно революционерам, стремятся скорее к контролю над населением, чем к захвату территории войсками. Однако если революционеры добивались своей цели через управление освобожденными землями и смену режима, то есть средствами биополитики, то новые воины добиваются того же за счет страха, беспорядков и постоянного напряжения — методов, которые можно назвать антибиополитикой.

Характеристики новых войн

Различия между герильями конца XX века и новыми войнами XXI века определяются различным форматом войн.

Во-первых, изменилась природа вооруженных групп. Идеологами герильи были выходцы из образованных слоев: левые, идеалистически настроенные интеллектуалы, поднимавшие на борьбу

10. *Mamdani M. Good Muslim, Bad Muslim: A Political Perspective on Culture and Terrorism // American Anthropologist. 2002. Vol. 104. P. 770.*

11. *Reno W. Op. cit. P. 1.*

бу крестьян и городскую бедноту. Они считали себя солдатами, а в основе организации войск лежали иерархия и командование. Обычно к ним со временем примыкали бывшие приверженцы политической системы, против которой они боролись; часто такие вооруженные группировки возникали в ответ на волну демократизации, прокатившуюся по миру после окончания холодной войны. Рино отмечает:

К 1990-м годам политические мятежники вышли из университетских аудиторий, отвернулись от активистских сетей... и стали полевыми командирами, процветающими в контексте междоусобной политической борьбы. Важнейшая черта полевых командиров состоит в том, что их породили системы государственной власти, против которых они боролись¹².

В действительности новые сети, созданные бунтовщиками, часто состояли как из негосударственных, так и из организованных государством групп военных, к примеру из остатков регулярной армии или отрядов полиции. Они были гораздо менее строго организованы и часто объединялись в местные соседские дружины или отряды самообороны, которые затем постепенно включались в более крупную сеть отрядов. Рино называет такие группы «повстанцами местного масштаба». Новые сети чаще всего оказывались транснациональными, что давало возможности для взаимного обучения. Многие бойцы перемещались с одной войны на другую, к примеру из Боснии в Чечню, затем в Газу, Судан, Ливию; в особенности это было характерно для исламистов.

Во-вторых, произошел сдвиг в выборе целей: от смены режима к захвату контроля над конкретными сетями, дающими доступ к власти или деньгам. Новые солдаты стремились получить доступ к власти не для того, чтобы проводить новую политику, но для того, чтобы завладеть политическими и материальными ресурсами. Алекс де Вааль использует термин «политический рынок» для описания логики, доминирующей среди представителей власти Африканского Рога, где государство воспринимается как источник дохода, а должность в правительстве гарантирует постоянную прибыль от сетей, связанных с насилием¹³. Политический рынок во многом напоминает режимы, которые в разное время называли патримониальными, кумовскими или живущими

12. Ibid. P. 163.

13. De Waal A. The Real Politics of the Horn of Africa: Money, War and the Business of Power. Cambridge: Polity, 2015.

за счет эксплуатации единственного ресурса, однако в действительности это особая монетаризованная форма, связанная с ростом частных финансовых вливаний на мировом уровне. Важно понимать, что политический рынок — это система либо логика. Для него характерна не только коррупция, обычно воспринимаемая как частное явление, но прежде всего то, что доступ к средствам является предварительным условием участия в официальной политике. Даже те, кто ставит перед собой программные цели, вынуждены участвовать в деятельности на политическом рынке, ведь только это дает им надежду на успех.

В-третьих, этот сдвиг целей привел к смене нарратива. Если революционеры оправдывали свои действия программной политической идеологией, чаще всего социализмом, то нарратив новых воинов скорее связан с моральным популизмом и включает воззвания к неоспоримым убеждениям, основанным на моральных допущениях, оказывающихся важнее разума, — таковы, в частности, страх перед «Другим» и ненависть к нему. В данном случае речь может идти об этнической или религиозной идентичности либо, например в Африке, о страхе перед ведьмами, вампирами или иными враждебными потусторонними сущностями. Такие нарративы — плод войн¹⁴. В мирном обществе этническая идентичность редко воспринимается как единственная и определяющая, у большинства людей идентичностей несколько. Однако война рождает страх и ненависть, противопоставляя идентичности друг другу; как следствие, люди вынуждены искать защиты у своей собственной группы. Схожим образом кровопролитие и распространенные среди африканских народов духовные практики приводят к более интенсивному восприятию идентичности.

В-четвертых, новые войны радикально сменили тактику: вместо создания освобожденных зон они выбирают в качестве цели насилие в отношении гражданского населения, умышленную дестабилизацию, создание беспорядка, хаоса, которые обеспечивают новым воинам исключительный доступ к власти. Причина возникновения слабых государств вовсе не в отсталости или нехватке ресурсов, а, скорее, в умышленном применении стратегий, направленных на максимальное увеличение личной прибыли за счет доступа к государственной власти¹⁵. Принудительное

14. Более развернутый вариант этого довода см. в: *Kaldor M. Identity and War // Global Policy. 2013. Vol. 4. № 4. P. 336–346.*

15. См.: *Bojicic V., Kostovicova D. Persistent State Weakness in a Global Age. L.; N.Y.: Routledge, 2014.*

переселение, систематическое сексуальное насилие, разрушение исторических и культурных памятников — все это составляющие продуманной стратегии, направленной на установление контроля через страх и террор.

В-пятых, развитие информационных и коммуникационных технологий обеспечило новым войнам особый контекст. Эти технологии позволяют создавать более свободные сети, коммуникация внутри которых идет по мобильным телефонам. Для мобилизации, распространения страха, взаимного обучения используются социальные сети. В ходе новых войн широчайшее распространение получили самодельные взрывные устройства — традиционное оружие боевиков, террористов и анархистов; появилось множество инноваций, в частности использование мобильных телефонов в качестве удаленного детонатора¹⁶. Технологии, к которым прибегают новые воины, можно назвать «народными» в том смысле, что технологические нововведения основываются на характерных для конкретной местности умениях и подручных материалах (это могут быть удобрения, бутылки со взрывчатым веществом, средства, применяемые в домашнем хозяйстве, и т. п.). Хотя большое значение имеет и умение изготавливать бомбы, полученное, к примеру, благодаря подготовке, пройденной в ЦРУ в 1980-е годы моджахедами или другими группами боевиков, либо благодаря другим государственным программам, таким как проект Аль-Гафики, проводившийся в Ираке при Саддаме Хусейне¹⁷.

Наконец, в-шестых, изменились источники дохода. Революционеры зависели от поддержки государств, будь то соседние страны или страны — члены Восточного блока; позднее, в 1980-е годы, большую роль играла также поддержка западных некоммерческих организаций. После окончания холодной войны эти источники дохода оказались перекрыты; им на смену пришли новые внешние источники дохода, в большинстве случаев частные, а не государственные. Тем не менее помощь извне продолжала играть важную роль. К внешним источникам относятся средства от продажи нефти и полезных ископаемых, частное финансирование, получившее особое распространение после кризиса

16. *Revill J. Improvised Explosive Devices: The Paradigmatic Weapon of New Wars.* Cham: Palgrave Macmillan, 2016.

17. Проект Аль-Гафики был посвящен разработке методов создания взрывчатых веществ с использованием «книг, портфелей, ремней, курток, емкостей для напитков, автомобильных сидений, напольных покрытий и робок носовых платков» (*Ibid.* P. 63).

2008 года, и коррупционные схемы, применяемые при торговле оружием и в других крупных государственных проектах. Революционеры часто облагали местное население своего рода рудиментарным налогом. Новые воины в отсутствие достаточных внешних источников финансирования часто обращаются к хищническим действиям (похищение, захват заложников, вымогательство, контрабанда и т. д.). Подобные источники дохода стали основной разменной монетой на политическом рынке. Вот почему цели и финансовые средства взаимосвязаны и взаимозависимы. Доступ к государственной власти дает возможность получить доход. Финансовая поддержка насилия обеспечивает доступ к власти. Эта замкнутая логика воспроизводится на всех уровнях общества. В контексте новых войн молодые люди очень часто объединяются на местах и создают отряды самозащиты для охраны своих деревень и поселений. Они вступают в полуофициальные отношения с полицией и/или войсками и постепенно (или быстро) превращаются в отряды самообороны — это позволяет им выжить¹⁸.

Какими именно причинами можно объяснить подобные изменения? После окончания холодной войны прежде закрытые авторитарные и тоталитарные режимы оказались открытыми для внешнего мира и в экономическом, и в политическом плане. Уже многое было написано о том, что именно сочетание авторитаризма и неолиберальной экономической политики породило конфликты нового типа. После того как традиционные, обеспечиваемые государством источники дохода оказались перекрыты, неолиберальные обязательства, принимаемые в ответ на предоставление кредитов, привели к возникновению класса олигархов. Они сумели воспользоваться как доходами от приватизации, так и снижением государственных расходов (прежде всего на обеспечение безопасности или на зарплаты госслужащих) и понимали, что оставаться у власти можно только за счет альтернативных (частных) источников дохода. В то же время в силу

18. См., напр.: *Tapscott R.* Preventing Change and Protecting the Regime: Crime Preventers, Local livelihoods and 2016 Ugandan elections // The Justice and Security Research Programme. 2016. Paper 31; *Idem.* The Government has Long Hands: Community Security groups and Arbitrary Governance in Uganda's Acholiland // The Justice and Security Research Programme. 2015. Paper 24; *Pendleton N.* They Are Now Community Police: Negotiating the Boundaries and Nature of the Government in South Sudan through the Identity of Militarised Cattle-Keepers // International Journal of Minority and Group Rights. 2015. Vol. 22. № 3. P. 410–434.

снижения государственных расходов и либерализации торговли параллельно наблюдался рост социального неравенства и уязвимости сельского населения и городской бедноты. Новые олигархи были заинтересованы в сохранении связи с государством, которое, даже будучи слабым, оставалось символом легитимности и власти, а значит, именно через него в основном шел финансовый приток извне. При этом безработное, обнищавшее население, в первую очередь мужчины, было готово к вступлению в вооруженные группы как по экономическим причинам, так и из-за привлекательности представлений (вызванных политической идентичностью) о том, что в их плачевном положении виноват вполне конкретный Другой.

Столь же важную роль играло и политическое открытие границ. Многие новые войны стали результатом процессов демократизации. Можно утверждать, что после революций 1989 года те молодые интеллектуалы, борцы за эмансипацию, которые раньше сформировали бы революционные группы, восприняли идеи ненасилия и гражданского активизма. Кстати, и сам термин «гражданское общество» снова вошел в моду как раз после 1989 года, наряду с «глобализацией»¹⁹. Большинству новых войн предшествовали демократические протесты. Часто считается, что демократы присоединились к повстанцам, а новые войны приобрели форму классической гражданской войны, в которой режим противостоит мятежникам. Несмотря на то что в Сирии, к примеру, некоторые протестующие действительно примкнули к вооруженным группам, большинство несогласных продолжало настаивать на ненасилии, утверждая, что вооруженное восстание никогда не сможет противостоять военной мощи существующего режима. Аналогично предыдущее поколение гражданских активистов в Восточной Европе разочаровалось в революции как методе преобразования тоталитаризма²⁰. В действительности же начало гражданскому обществу положили демократические движения — группы, которые создавались для посредничества, предоставления гуманитарной помощи, документального подтверждения случаев нарушения прав человека и т. д. А у истоков вооруженных групп стояли те, кого можно назвать предпри-

19. См.: *Kaldor M. Global Civil Society: An Answer to War. Cambridge: Polity Press, 2003.*

20. *Michnik A. The New Evolutionism // Idem. Letters From Prison and Other Essays. Berkeley: University of California Press, 1985.*

мателями-сепаратистами: их действия шли вразрез с демократизацией. По сути, стремление к демократизации оказывалось преобразованным в сепаратистский конфликт. В некоторых случаях такой процесс был связан с выборами. Требование провести выборы, часто выдвигаемое под давлением источников финансирования, провоцировало насилие, поскольку находящиеся у власти политики пытались сформировать удобный для себя электорат, устраняя или уничтожая социальные группы, которые вряд ли стали бы за них голосовать. Именно жестокими предвыборными махинациями отчасти объясняются и геноцид в Руанде, и этнические чистки в Боснии или Багдаде.

Иными словами, новые войны правильнее рассматривать как атаку на гражданское общество, а не как конфликт между вооруженными группами. Это культура, в которой гражданское общество маргинализировано или даже полностью уничтожено. Война в Сирии стала способом подавления демократических протестов и создания межконфессионального конфликта между шиитами и суннитами, едва ли существовавшего до того и раздутого настолько, что в худшем случае гражданское общество будет уничтожено, а в лучшем — перестанет приниматься во внимание.

Это понимание крайне важно при выборе пути, который позволит отойти от культуры новых войн. Местные группы гражданских активистов представляют собой раздражающий фактор для этой культуры. Во многих случаях только эти группы оказывают базовые услуги и устанавливают простейшие формы управления. Как раз по этой причине они часто создают общедоступные формы легитимности. Однако, поскольку исследователей и журналистов чаще всего интересуют вооруженные субъекты, роль таких групп остается незамеченной, а в других случаях их рассматривают как полезный придаток внешнего управления, но не как новый «центр тяжести».

Заключение

Я попыталась показать, как эволюция нерегулярных военных формирований на фоне ускоряющейся глобальной интеграции породила в некоторых частях света всеобъемлющую культуру безопасности (или небезопасности), которую я называю «новыми войнами». Для этой культуры характерен своего рода «встроенный» хаос, заставляющий государство, — уже само по себе встроенное в общемировую систему государств и зависящее от внешних источников дохода, которые ею обеспечиваются, — вступить в раз-

личные экстремистские/криминализованные сети, участвующие в новых войнах. Эти сети прибегают к насилию, чтобы получить доступ к государственной власти, которая, в свою очередь, необходима для финансовой поддержки творимого ими насилия. Обязательным условием для того, чтобы такие сети сумели получить контроль над населением и продолжали сосуществовать с государственными органами на всех уровнях власти (или ее отсутствия), является слабость государства, а именно неспособность обеспечивать население всем необходимым или поддерживать безопасность. Взаимосвязь и взаимозависимость элементов такой культуры объясняют жизнестойкость и распространение новых войн.

Безусловно, такие войны постоянно меняются и адаптируются. Внешние военные операции, к примеру война в Сирии, значительно увеличили масштабы человеческих потерь и комплексность новых войн, которые отныне подразумевают в том числе распространение экстремистского исламского фундаментализма. В то же время внешние миротворческие операции породили то, что можно назвать гибридным миром, — обеспечили ненадежную стабилизацию культуры новых войн.

Существуют ли противоречия, дилеммы, открытые вопросы, которые помогли бы нам разобраться в этой культуре? Одно из таких противоречий — глобальный характер новых войн. Эту культуру нельзя локализовать в определенных частях света; террористические акты, организованные преступные группировки (по торговле наркотиками, предметами старины или людьми), отмывание денег через офшорные компании (влияющее, к примеру, на колебания цен на недвижимость в Лондоне) — вот пути распространения новых войн, возможно способные породить сопротивление, пусть даже сегодня они чаще всего рождают ровно противоположное, например военный ответ на террористические атаки. Другое противоречие — ограниченность хищнического поведения. Поскольку новые войны уничтожают возможности для создания ценности, основа для хищничества постепенно исчезает; это, безусловно, увеличивает давление, способствующее распространению новых войн, но одновременно также может подчеркнуть потребность в иных видах хозяйственной деятельности. Третье противоречие — усталость, которую население испытывает в связи с царящим хаосом и беспорядком: фактор, недооцененный Аль-Каидой в Ираке, но все же не имевший достаточного веса, чтобы создать какую-либо альтернативу.

Таким образом, при отсутствии структурных сдвигов на глобальном и местном уровнях новые войны, вероятнее всего, не просто не прекратятся, но продолжат распространяться. К возможным структурным сдвигам на глобальном уровне относятся, к примеру, изменение политики в области энергетики и охраны окружающей среды, которое привело бы к сокращению сверхприбылей от продажи полезных ископаемых, в особенности нефти; снижение объемов официальной торговли оружием, реструктуризация глобальной финансовой системы. На местном уровне важно создать легитимные органы власти, связанные с ведением хозяйственной деятельности, увеличивающей добавленную стоимость: это даст населению законные средства к существованию, что, в свою очередь, обеспечит гражданские инициативы на местах поддержкой извне и отвлечет людей от призывов к насилию.

Библиография

- Bennett H., Cormac R. *Low-Intensity Operations in Theory and Practice: General Sir Frank Kitson as a Warrior-Scholar // The Theory and Practice of Irregular Warfare: Warrior-Scholarship in Counter-Insurgency / A. Mumford, B. C. Reis (eds). L.: Routledge, 2014. P. 105–124.*
- Bojicic V., Kostovicova D. *Persistent State Weakness in a Global Age. L.; N.Y.: Routledge, 2014.*
- Boot M. *Invisible Armies: An Epic History of Guerrilla Warfare from Ancient Times to the Present. N.Y.: W.W. Norton, 2013.*
- De Waal A. *The Real Politics of the Horn of Africa: Money, War and the Business of Power. Cambridge: Polity, 2015.*
- Kaldor M. *Global Civil Society: An Answer to War. Cambridge: Polity Press, 2003.*
- Kaldor M. *Global Security Cultures. Cambridge, UK: Polity Press, 2018.*
- Kaldor M. *Identity and War // Global Policy. 2013. Vol. 4. № 4. P. 336–346.*
- Kaldor M. *In Defence of New Wars // Stability: International Journal of Security and Development. 2013. Vol. 2. № 1. P. 1–16.*
- Mamdani M. *Good Muslim, Bad Muslim: A Political Perspective on Culture and Terrorism // American Anthropologist. 2002. Vol. 104. Iss. 3. P. 766–775.*
- Michnik A. *The New Evolutionism // Idem. Letters From Prison and Other Essays. Berkeley: University of California Press, 1985.*
- Pendleton N. *They Are Now Community Police: Negotiating the Boundaries and Nature of the Government in South Sudan through the Identity of Militarised Cattle-Keeper // International Journal of Minority and Group Rights. 2015. Vol. 22. № 3. P. 410–434.*
- Reis B. C. *David Galula and Roger Trinquier: Two Warrior Scholars; one French Late Colonial Counter-Insurgency? // The Theory and Practice of Irregular Warfare: Warrior-Scholarship in Counter-Insurgency / A. Mumford, B. C. Reis (eds). L.: Routledge, 2014. P. 35–69.*
- Reno W. *Warfare in Independent Africa: New Approaches to African History. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.*

- Revill J. *Improvised Explosive Devices: The Paradigmatic Weapon of New Wars*. Cham: Palgrave Macmillan, 2016.
- Tapscott R. Preventing Change and Protecting the Regime: Crime Preventers, Local livelihoods and 2016 Ugandan elections // *The Justice and Security Research Programme*. 2016. Paper 31.
- Tapscott R. The Government has Long Hands: Community Security groups and Arbitrary Governance in Uganda's Acholiland // *The Justice and Security Research Programme*. 2015. Paper 24.
- Whittingham D. Warrior-Scholarship in the Age of Colonial Warfare: Charles E. Callwell and Small Wars // *The Theory and Practice of Irregular Warfare: Warrior-Scholarship in Counter-Insurgency* / A. Mumford, B. C. Reis (eds). L.: Routledge, 2014. P. 18–34.

THE CULTURE OF NEW WARS

MARY KALDOR. Professor, Director of the Conflict and Civil Society Research Unit, Department of International Development, m.h.kaldor@lse.ac.uk.
London School of Economics and Political Science (LSE), Houghton str., WC2A 2AE
London, United Kingdom.

Keywords: new wars; small wars; just war theory; geopolitics; biopolitics; irregular conflicts; neoliberalism; security culture; revolutionary movements.

The article analyses the dominant trends in contemporary armed conflicts that are referred to as the “new wars.” Rather than debating the empirical aspects of the concept, the author focuses on its conceptual content, which provides a theoretical framework for understanding the military actions that came after the end of the Cold War. She traces the genealogy of irregular wars, which is a concept known since late antiquity, although it was not at that time a definitive part of military theory. Traditional military conflicts often took place between armies of states that officially declared war on each other. They were limited in time and space and had clear goals that, once achieved, left open the possibility of a return to peace. The term “small war” came into use by theorists only at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries to describe the processes taking place on the periphery of classical conflicts. However, that term seems to be the most relevant for understanding the irregular nature of combat actions in the twenty-first century.

New wars add a dimension of biopolitics to the traditional realm of geopolitics. Drawing examples from the conflicts and armed revolutionary movements of the second half of the twentieth century, the author argues that there were fundamental transformations that set irregular warfare apart: a shift of strategic emphasis, the insurgent and guerrilla nature of the conflicts, the redefinition of “collateral damage,” the spread of terrorist methods for waging war between unequal forces, and private financing of paramilitary groups. The characterization of the essential features of the new wars concept includes an analysis of the factors that led to reformulating war; the key factor was the combination of authoritarianism with economic openness and neoliberal economic policy. The conclusion reached is that, against the background of ongoing global integration, the changes in the conduct of armed conflicts are creating a new culture of security that is justifiably labelled “new wars.”

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-1-19

References

- Bennett H., Cormac R. Low-Intensity Operations in Theory and Practice: General Sir Frank Kitson as a Warrior-Scholar. *The Theory and Practice of Irregular Warfare: Warrior-Scholarship in Counter-Insurgency* (eds A. Mumford, B. C. Reis), London, Routledge, 2014, pp. 105–124.
- Bojicic V., Kostovicova D. *Persistent State Weakness in a Global Age*, London, New York, Routledge, 2014.
- Boot M. *Invisible Armies: An Epic History of Guerrilla Warfare from Ancient Times to the Present*, New York, W.W. Norton, 2013.
- De Waal A. *The Real Politics of the Horn of Africa: Money, War and the Business of Power*, Cambridge, Polity, 2015.
- Kaldor M. *Global Civil Society: An Answer to War*, Cambridge, Polity Press, 2003.
- Kaldor M. *Global Security Cultures*, Cambridge, UK, Polity Press, 2018.

- Kaldor M. Identity and War. *Global Policy*, 2013, vol. 4, no. 4, pp. 336–346.
- Kaldor M. In Defence of New Wars. *Stability: International Journal of Security and Development*, 2013, vol. 2, no. 1, pp. 1–16.
- Mamdani M. Good Muslim, Bad Muslim: A Political Perspective on Culture and Terrorism. *American Anthropologist*, 2002, vol. 104, iss. 3, pp. 766–775.
- Michnik A. *The New Evolutionism. Letters From Prison and Other Essays*, Berkeley, University of California Press, 1985.
- Pendleton N. They Are Now Community Police: Negotiating the Boundaries and Nature of the Government in South Sudan through the Identity of Militarised Cattle-Keeper. *International Journal of Minority and Group Rights*, 2015, vol. 22, no. 3, pp. 410–434.
- Reis B. C. David Galula and Roger Trinquier: Two Warrior Scholars; one French Late Colonial Counter-Insurgency? *The Theory and Practice of Irregular Warfare: Warrior-Scholarship in Counter-Insurgency* (eds A. Mumford, B. C. Reis), London, Routledge, 2014, pp. 35–69.
- Reno W. *Warfare in Independent Africa: New Approaches to African History*, Cambridge, Cambridge University Press, 2012.
- Revill J. *Improvised Explosive Devices: The Paradigmatic Weapon of New Wars*, Cham, Palgrave Macmillan, 2016.
- Tapscott R. Preventing Change and Protecting the Regime: Crime Preventers, Local livelihoods and 2016 Ugandan elections. *The Justice and Security Research Programme*, 2016, paper 31.
- Tapscott R. The Government has Long Hands: Community Security groups and Arbitrary Governance in Uganda's Acholiland. *The Justice and Security Research Programme*, 2015, paper 24.
- Whittingham D. Warrior-Scholarship in the Age of Colonial Warfare: Charles E. Callwell and Small Wars. *The Theory and Practice of Irregular Warfare: Warrior-Scholarship in Counter-Insurgency* (eds A. Mumford, B. C. Reis), London, Routledge, 2014, pp. 18–34.